

1

Истаяли финальные реплики генеральной репетиции, и притихшим актерам не осталось ничего иного, как беспомощно щуриться в черневшую за рампой пустоту. Затаив дыхание, они следили за низеньким упитанным режиссером, который поднялся на сцену, выволок из-за кулис стремянку и, отперхавшись, с высоты третьей ступеньки поведал, что все исполнители чертовски талантливы и работа с ними — в радость.

— Перед нами стояла непростая задача, — сказал он, важно посверкивая очками. — Мы столкнулись с кучей проблем, и, если честно, я почти смирился с тем, что ничего грандиозного не случится. Но вот что я вам скажу. Пусть это звучит банально, однако сегодня что-то произошло. Я сидел там и вдруг нутром почувствовал: нынче все вы играете с душой. — Режиссер прижал растопыренные пальцы к карману рубашки, обозначив местоположение души, затем безмолвно, но многозначительно потряс кулаком, а его зажмуренный глаз и выпяченная мокрая губа были знаком гордого триумфа. — Сыграйте так завтра, и мы произведем фурор.

От облегчения артисты едва не разрыдались. Всех еще колотило, однако слез не было, пошли крики, рукопожатия и поцелуи, затем кто-то сбежал за ящиком пива, и все, сгрудившись вокруг пианино, горланили песни, пока единодушно не решили, что с гулянкой надо завязывать и хорошенько выспаться.

— До завтра! — перекликались артисты, счастливые, как дети.

Разъезжаясь по домам, они вдруг поняли, что в машине можно опустить стекла, дабы впустить ночной воздух, полный целебных ароматов земли и первых цветов. Многие только сейчас заметили, что пришла весна.

Дело происходило в 1955 году в Западном Коннектикуте, где недавно широкая оживленная автострада под названием «Шоссе № 12» объединила три разросшихся поселка. Любительская, но со средствами и весьма серьезными намерениями труппа «Лауреаты» была тщательно скомпонована из молодежи всех трех поселков и готовила свой первый спектакль. Всю зиму они собирались в чьей-нибудь гостиной и взахлеб говорили о Шоу, Ибсене и О'Ниле, затем провели голосование, на котором здравомыслящее большинство выбрало «Окаменевший лес», и распределили роли; все чувствовали, как день ото дня крепнет их преданность Театру. Наверное, коротышка-режиссер казался им забавным (каким он отчасти и был: в простоте слова не скажет, а после замечаний непременно вскинет голову, отчего затрясутся его толстые щеки), но его любили и уважали, а также беспредельно верили ему почти во всем. «Любая пьеса заслуживает того, чтобы ее играли с полной отдачей, — внушал он. — Помните: мы не просто готовим спектакль, но создаем любительский театр, а это чертовски важная штука».

Беда в том, что с самого начала «лауреаты» опасались выставить себя дураками, а боязнь в том признаться лишь усугубляла страх. Первое время репетиции проходили по субботам — безветренным февральским или мартовским полднем, когда деревья чернеют на фоне белесого неба, а бурые поля и взгорки в съезжившихся снежных латках кажутся беззащитно голыми. Притормозив на крыльце чер-